

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 351.07(47)

DOI: 10.28995/2658-6541-2022-2-30-58

Воспоминания Э.Б. Войновского-Кригера как источник знаний о российской государственности¹

Александр С. Сенин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, as_senin@mail.ru*

Аннотация. Войновский-Кригер Э.Б., инженер путей сообщения, занимал важные должности в государственном аппарате в годы Первой мировой войны, стал последним министром путей сообщения царской России. Участвуя в работе правительства, встречаясь с императором, министрами правительства, депутатами российского парламента, он стал свидетелем кризиса российской государственности, падения уровня государственного управления и качества работы государственной бюрократии. В своих воспоминаниях, написанных в 1925 г. в эмиграции, он подробно описал состояние государства и общества, чиновничества, глубинные причины политического кризиса, которые привели к падению монархии. Большое место в воспоминаниях заняла характеристика последнего российского императора Николая II и его ближайшего окружения. Автор обращает внимание на моральное состояние общества, роль российской интеллигенции в жизни страны, проблемы образования, влияние на умы молодежи социалистических идей, пришедших с Запада. Войновский-Кригер высоко оценивал государственную деятельность П.А. Столыпина, сожалея, что в дни суровых испытаний Первой мировой войны во главе страны не оказались государственных деятелей такого уровня. По его мнению, не на высоте оказалось и либеральное Временное правительство, образованное после паде-

© Сенин А.С., 2022

¹ *Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции // Спроге В.Э. Записки инженера. М.: Русский путь, 1999. 520 с. В дальнейшем используется написание фамилии согласно послужному списку, хранящемуся в фондах Министерства путей сообщения Российского государственного исторического архива (РГИА).

ния монархии. Вместо наведения порядка оно своими действиями только усугубляло анархию в стране и само способствовало установлению в России леворадикальной Советской политической системы.

Ключевые слова: император Николай II, Правительство России, Министерство путей сообщения, Государственная дума, бюрократия, гражданское общество, интеллигенция, история России, Февральская революция

Для цитирования: Сенин А.С. Воспоминания Э.Б. Войновского-Кригера как источник знаний о российской государственности // История и архивы. 2022. № 2. С. 30–58. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-2-30-58

Memoirs of E.B. Voinovsky-Krieger as a source of knowledge on the Russian statehood

Alexandr S. Senin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, as_senin@mail.ru*

Abstract. E.B. Voinovsky-Krieger, a railroad engineer, held important positions in the state machine during the First World War, became the last Minister of Railroads in Tsarist Russia. Participating in the work of the government, meeting with the emperor, government ministers, deputies of the Russian parliament, he witnessed the crisis of the Russian statehood, the decline in the level of state administration, and the decrease in the quality of the work of the state bureaucracy. In his memoirs, written in 1925 in exile, he described in detail the state and society, bureaucracy, the root causes of the political crisis that led to the fall of the monarchy. The major part in the memoirs is the characteristics of the last Russian Emperor, Nicholas II, and his inner circle. The author draws attention to the moral state of the society, the role of the Russian intelligentsia in the life of the country, the issues of education, and the influence of the socialist ideas, brought from the West upon the minds of young people. E.B. Voinovsky-Krieger highly appreciated the state activity of P.A. Stolypin regretting that in the days of the severe trials of the First World War, there were no statesmen of such a level at the head of the country. In his opinion, the liberal Provisional Government, formed after the fall of the monarchy, was also not up to par. Instead of restoring law and order, the actions of the Provisional Government only exacerbated anarchy in the country and contributed to the establishment of a left-wing radical Soviet political system in Russia.

Keywords: Emperor Nicholas II, Government of Russia, Ministry of Railroads, State Duma, bureaucracy, civil society, intelligentsia, history of Russia, February Revolution

For citation: Senin, A.S. (2022), “Memoirs of E.B. Voinovsky-Krieger as a source of knowledge on the Russian statehood”, *History and Archives*, no. 2, pp. 30–58, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-2-30-58

Войновский-Кригер Эдуард Брониславович родился 6 марта 1864 г. в дворянской семье в Майкопе. Окончил Петербургский технологический институт (1886) и Институт инженеров путей сообщения имп. Александра I (1889). С 1890 г. в Инспекции императорских поездов МПС. В 1893–1906 гг. занимал различные должности в администрации объединенной Балтийской и Псково-Рижской железных дорог и Юго-Западных железных дорог. С 1906 г. работал в центральном аппарате Министерства путей сообщения. В 1909–1915 гг. управляющий частной Владикавказской железной дороги. За годы работы

Э.Б. Войновский-Кригер

на новом месте Э.Б. Войновский-Кригер приобрел большой опыт административной и хозяйственной работы. Преобразилась и Владикавказская железная дорога. На оборудование дороги было затрачено до 100 млн руб. Было построено около 600 верст новых линий и до 360 верст вторых путей, приобретено много новых паровозов и вагонов, во Владикавказе открыты новые Главные вагонные мастерские, в Ростове-на-Дону – дорожная больница. За счет дороги строились школы, приемные покои, санатории и курорты для служащих и рабочих. Был разработан проект электрификации части линии. Дорога приобрела в свою собственность нефтяные промыслы и угольные рудники. В ноябре 1915 г. действительный статский советник Войновский-Кригер назначается товарищем министра путей сообщения, а в январе – феврале 1917 г. занимает должность министра путей сообщения. Представляя императору кандидатуру Войновского-Кригера на должность министра, глава правительства А.Ф. Трепов писал, что он «по обширным своим административному опыту и познаниям, приобретенным на предшествовавшей долголетней службе на железных дорогах и в центральных установлениях Министерства путей сообщения, является вполне подготовленным для занятия означенной должности»². Войновский-Кригер признавал слабость железнодорожной сети в целом, из-за чего достигнуть «вполне благоприятных результатов... в условиях военного времени невозможно». Хотя в 1916 г. железные дороги перевезли, например, только минерального сырья значительно больше, чем в 1915 г., они, по словам министра, не могут удовлетворить всех запросов, ибо для нужд обороны выделено почти 50% всех перевозочных средств. Что касается пассажирских перевозок, то они неизбежно будут сокра-

² РГИА. Ф. 229. Оп. 18. Д. 1320. Л. 493, 531.

щаться, так как значительная часть пассажирских вагонов отдана под санитарные поезда. Министр высказался за расширение железнодорожного строительства и осуществление планов Комиссии о новых железных дорогах под председательством товарища министра путей сообщения И.Н. Борисова, которыми предусматривалось введение в строй ежегодно до 6000 верст. Приходилось своевременно решать вопросы увеличения числа выпускаемых вузами специалистов-железнодорожников, проведения изыскательских работ на трассах будущих магистралей, поиска путей увеличения на отечественных заводах производства подвижного состава и т. п. Войновский-Кригер считал, что заложенное в планах строительства новых дорог соотношение: $1/3$ – частных железных дорог и $2/3$ – государственных – является оптимальным. Среди наиболее существенных мероприятий, проведенных Э.Б. Войновским-Кригером, – дальнейшее углубление связи Министерства путей сообщения и Ставки Верховного главнокомандующего.

Оценивая время, проведенное на посту министра, Войновский-Кригер писал: «Два месяца этой новой для меня, и в другое время очень почетной, роли, при тех общих условиях и обстоятельствах, которые складывались так исключительно несчастливо, были самыми тяжелыми во всей моей жизни в моральном отношении; тяжелыми потому, что налицо имелись уже самые грозные признаки полного развала Государственной Власти; Правительство и по своему личному составу, и по настроению Государя Николая II, и по всем сложившимся условиям своей деятельности было уже явно бессильно и беспомощно; оно буквально висело в воздухе, не имея нигде и ни в чем ни доверия, ни опоры, ни власти»³.

28 февраля Войновский-Кригер пришел в здание Министерства путей сообщения на Фонтанке, 117, где был арестован комиссаром Временного комитета Государственной думы в МПС А.А. Бубликовым. «Мой арест, – вспоминал Войновский-Кригер, – оказался не только не тяжелым, но даже приятным в том отношении, что я был огражден от всяких случайностей и неприятностей». Министру разрешили оставаться в рабочем кабинете и сохранили телефонную связь, что позволило ему быть в курсе всех событий в Петрограде. 2 марта Войновского-Кригера перевезли в Государственную думу, откуда он был отпущен на свободу в тот же день.

С мая 1917 г. Войновский-Кригер вновь управляющий Владикавказской железной дорогой. В 1918 г. он переехал из Петрограда в Ростов-на-Дону, где продолжил выполнять свои обязанности председателя правления общества. В годы Гражданской войны занимал должность начальника Управления путей сообщения

³ *Кригер-Войновский Э.Б.* Указ. соч. С. 28.

в правительстве Юга России. Член Особого совещания для обсуждения мероприятий по экономическому подъему Юга России. Фактически он руководил Владикавказской железной дорогой, отдельные участки которой находились под контролем то Вооруженных сил Юга России (белой армии), то Красной Армии. В этих условиях дорога продолжала функционировать, осуществляя перевозки военных и коммерческих грузов. С отступающей белой армией Войновский-Кригер попал в Новороссийск, откуда с потоком русских эмигрантов отбыл за границу вместе с женой и сыном. С 1920 г. в эмиграции [Карпенко 2014, с. 50]. В Белграде возглавил «Южнославянский союз русских инженеров». В 1931 г. избран председателем Федерации союзов русских инженеров за границей. Умер Войновский-Кригер в Берлине 3 января 1933 г.

Участвуя в работе правительства, встречаясь с императором, министрами правительства, депутатами российского парламента, он стал свидетелем кризиса российской государственности, падения уровня государственного управления и качества работы государственной бюрократии. В своих воспоминаниях, написанных в 1925 г. в эмиграции, он подробно описал состояние государства и общества, чиновничества, глубинные причины политического кризиса, которые привели к падению монархии.

Что же привело Россию к катастрофе? «Почему же Россия, — пишет Войновский-Кригер, — выросшая в такое могучее государство, сразу рухнула в бездну, почему же прежде находились в ней люди и силы, которые могли бы поддержать ее и не допустить до такого падения? В чем же кроется главная причина того несчастья, которое выпало на долю России?»⁴

Он видит две группы причин, приведших к гибели Российской империи. К первой из них он относит геополитические факторы становления российской государственности. В его поле зрения географические, климатические, этнографические, общеисторические особенности развития страны, а также ее международное положение. Эти причины Войновский-Кригер считает коренными и неустранимыми. Ко второй группе он относил деятельность государственного аппарата, подбор кадров на ключевые посты в системе государственного управления, роль Николая II, императрицы Александры Федоровны, ближайшего окружения монарха. Эти причины Войновский-Кригер считал более или менее случайными. Первые, по его словам, «создали благоприятную почву и атмосферу для революции, вторые дали ей толчок и определенное направление»⁵.

⁴ Там же. С. 99.

⁵ Там же. С. 100.

Россия была крупнейшим в мире государством, занимавшим 1/6 часть суши и составлявшим одно целое. В отличие от других мировых империй, в Российской империи не было разделения на метрополию и колонии. Один только размер территории «вызывал громадные трудности в регулировании государственной жизни, защите границ и поддержании единства государства».

Гигантские пространства, низкая плотность населения создавали немало проблем для управления и экономического развития. Если, например, казенное предприятие находилось на Урале, а управление им в Петербурге, то даже оперативно получать информацию о состоянии производства было невозможным. Начальник казенной (или управляющий частной) железной дороги протяженностью более 2 тысяч километров мог посетить объекты управления раз в несколько лет. Поэтому Э.Б. Войновский-Кригер подчеркивал, что «до поднятия культурного уровня населения, до установления сильных экономических и политических связей» страна нуждалась в сильной центральной власти. Современники Войновского-Кригера, объясняя тысячелетнюю авторитарную монархическую власть, также связывали ее с особенностями исторического развития страны.

Все геополитические факторы в течение более чем тысячелетней истории, России способствовали усилению роли государства, причем государства в значительной степени военизированного, с суровым режимом внутренней политики в отношении всех слоев населения. Исследователи отечественной государственности всегда отмечали факты включения раз за разом таких механизмов социально-экономической и политической организации и ориентации общества, которые неизменно приводили к централизации управления, жесткой иерархии, регламентации поведения и усилению контроля над деятельностью всех общественных институтов. К этому вела огромная территория, пестрый этносостав, многоконфессиональность и глубокие различия в культуре населяющих страну народов. Сильное государство всегда было необходимым условием сохранения единства страны, ее суверенитета, возможности проводить эффективную внешнюю политику и защищать интересы России на международной арене. Ослабление государства неминуемо вело к феодальной анархии, к разному изданию «Смутного времени». Поэтому, по мнению известного юриста и общественного деятеля второй половины XIX в. Б.Н. Чичерина, устройство государства стало главной характерной чертой русской истории и результатом деятельности русского народа. До 1917 г. сильное государство воплощалось в самодержавном правлении. Точную характеристику этому феномену в свое время дал русский философ С.Л. Франк:

«Подлинным фундаментом русской государственности был не общественно-сословный строй и не господствовавшая бытовая культура, а была ее политическая форма – монархия. Замечательной, в сущности, общеизвестной, но во всем своем значении не оцененной особенностью русского общественно-государственного строя было то, что в народном сознании и народной вере была непосредственно укреплена только сама верховная власть – власть царя; все же остальное – сословные отношения, местное самоуправление, суд, администрация, крупная промышленность, банки, вся утонченная культура образованных классов, литература и искусство, университеты, консерватории, академии, все это в том или ином отношении держалось лишь косвенно, силою царской власти, и не имело непосредственных корней в народном сознании... неудивительно, что с крушением монархии рухнуло сразу и все остальное»⁶.

Огромные просторы России, по словам Войновского-Кригера, сказались и на слабости национального чувства, на почти полном отсутствии «того естественного патриотизма, которым так отличаются немцы, французы, итальянцы и др.». По его мнению, «патриотизм, любовь к своей Родине тем сильнее, чем, во-первых, культурнее народ, а во-вторых, чем меньше своя страна, чем ближе, знакомее каждому свое отечество. Осознать ту тесную связь, которая существует между личными интересами обывателя и благом всей страны, то есть интересами общегосударственными, тем труднее даже для культурного человека, чем страна больше, чем ее государственные интересы обширнее и сложнее. Деревенский мужик, имеющий дело лишь со своим волостным правлением, сельской школой, реже с уездным исправником или уездной больницей, естественно ограничивает все свои интересы своим уездом; даже другие уезды его губернии мало его интересуют и являются как бы чужими. Помещик, купец, городской житель – у тех жизненные интересы уже шире, простираются на всю губернию, а часто доходят и до столицы, но и для них какие-либо отдаленные губернии, а тем более окраины России, малоинтересны и чужды, если они специально не интересуются и не знакомы с общей государственной жизнью страны. Представьте себе, что сошлись люди из Бессарабии, Закавказья, Урала, Польши, Уссурийского края и Бухары. Что общего между их жизненными интересами? Как много Россия должна им давать, как ярко должно выражаться их благо от нахождения в составе России, чтобы ожидать появления общего национального чувства, той любви к Родине, без которой немыслима ни сплоченность интере-

⁶ Франк С.Д. Из размышлений о русской революции // Новый мир. 1990. № 4. С. 213.

сов, ни стремление к общему благу, ни уважение к общей государственной власти?»⁷

Россия резко отличалась от западноевропейских стран и в климатическом отношении. Северный климат распространялся на три четверти территории страны. В России находится мировой полюс холода. Суровость климата определяется также перепадом температур лета и зимы, дня и ночи. Тут Россия вообще вне конкуренции, ибо в течение суток перепад температур может превысить 30°. В наиболее морозные зимы глубина промерзания почвы даже в Европейской части России превышала 1,5 м. Скованные льдом реки почти на полгода прерывали навигацию. Замерзали акватории морских портов на Балтийском море, на всем Русском Севере и на Дальнем Востоке. К этим условиям приспосабливался весь ритм работы и жизни населения страны. Фактор холода властно вмешивался в быт россиян: теплые вещи, прочные фундаменты и стены домов, необходимость иметь запасы продовольствия на «черный день» и т. п. Во все времена это существенно снижало эффективность любого производства. Если разница между температурой внутри здания и снаружи достигает 40–50°, то расходы только на отопление помещения становятся сравнимы с остальными производственными издержками.

В течение шести-семи месяцев в году земледелие было невозможно из-за погодных условий. Необходимость дорожить каждым погожим днем заставляло крестьянина усиленно работать. Нужно было посеять, вырастить и убрать урожай в короткие сроки. В результате крестьяне приучились к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкли работать лихорадочно и скоро, а потом отдыхать продолжительное время. В результате не выработалось привычки к размеренному, постоянному труду, как в европейских странах. Войновский-Кригер писал: «Полгода половина России скована льдом и снегом; никакие сельскохозяйственные, никакие строительные работы невозможны. Сельскому населению не к чему приложить своего труда; отсюда стремление к отхожим промыслам, безделье, леность, пьянство, бедность и недостаточная привязанность к своему очагу. Отсюда дешевизна нашей рабочей силы, плохое материальное положение рабочих, их неудовлетворенность, недовольство»⁸.

На ход государственной жизни оказывал влияние даже такой факт, как местонахождение столицы страны на северо-западной окраине. «Сообщение от Петербурга до Берлина, Вены, Стокгольма было ближе и удобнее, чем до центральных губерний России.

⁷ Кригер-Войновский Э.Б. Указ. соч. С. 101–102.

⁸ Там же. С. 102.

Неудивительно, что Петербург во многих отношениях был городом более европейским, чем русским... Настоящим духовным центром России была Москва; Петербург был лишь центром формальным, чиновным и военным, и насколько он был далек от России, настолько же и она от него. Не было той тесной связи между столицей страны и ее населением, не было той любви русского народа к своей столице, какую мы наблюдали у французов к Парижу, у австрийцев к Вене, у итальянцев к Риму. Это западное и крайнее расположение столицы, столь, может быть, полезное при Петре Великом, впоследствии сыграло даже весьма отрицательную роль в развитии русской государственности»⁹. Неслучайно многие представители российской бюрократии, ученые, общественные деятели неоднократно высказывались за перенос столицы в глубь страны, например, в один из волжских городов.

Не подлежит сомнению, пишет Войновский-Кригер, что в странах с национально однородным и культурно однообразным населением гораздо легче решать разные государственные задачи. В этом отношении у России всегда были трудности. Коренное русское население до революции составляло около 66%, но и оно не было однородным: «великоросс центральных губерний, полтавский малоросс, полесский белорус, сибиряк имели меньше общего в нравах, обычаях, интересах, иногда и в языке, чем немцы в разных частях Германии или население разных провинций Франции»¹⁰.

«Разнообразие наречий, религий, нравов, степени культуры от высшей европейской до полудикой не только с годами не сглаживалось, но в некоторых случаях проявлялось все более и более резко», – подчеркнул Войновский-Кригер. Он связывал это с влиянием на окраины соседних с Россией стран – Германии, Персии, Румынии, Турции, Швеции. «У некоторых из нерусских народностей, например финляндцев, поляков, издавна появлялись сепаратистские тенденции, которым не чужды были даже малороссы. Эти стремления и нелюбовь к России, – пишет Войновский-Кригер, – вызывали встречное ограничение некоторых прав поляков, евреев, финляндцев, что еще более увеличивало их недовольство, и получался заколдованный круг, усложнявший и без того сложные задачи управления такой громадной страной». Интересно его замечание о том, что «народы азиатского происхождения, за небольшими исключениями, легче и полнее сливались с Россией и составляли более здоровые ее части, чем народности западных окраин, в большей степени находившиеся под влиянием Европы»¹¹. Любопытно,

⁹ Там же. С. 103.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 104.

что спустя полвека, на мартовском референдуме в 1991 г. по вопросу будущего страны за сохранение единого большого государства в среднеазиатских республиках было подано гораздо больше голосов по сравнению с населением Белоруссии, России и Украины.

Войновский-Кригер видел взаимосвязь революции 1917 г. с историческим прошлым России. Именно это прошлое подготовило благоприятную почву для революционных потрясений.

В первую очередь он обратил внимание на проблему крепостного права, на котором до 1861 г. целиком основывался «наш государственный строй». «Россия, – пишет он, – управлялась на началах громадной вотчины. Если помещики были полновластными хозяевами своих крепостных, смотрели на них как на свою неотъемлемую собственность, то естественно, что весь духовный облик государственной власти, вся ее психология и идеология складывались в этой атмосфере неограниченного властвования одних людей над другими; это были основные устои государства; Государь повелевает министрами, министры – губернаторами, губернаторы – помещиками, а помещики – крестьянами. Устои эти были прочные, они имели определенный смысл, их историческая роль очень велика; в свое время Россия, вероятно, не достигла бы без них того успеха в борьбе с соседями, той территории, тех природных богатств и того географического положения, которые являются главнейшим залогом будущего развития и могущества государства»¹².

Войновский-Кригер признавал, что отмена крепостного права очень запоздала и вызвала много «болезненных явлений в нашей политической жизни». Крепостное право отделило культурный слой от народной толщи, и после отмены крепостного права сохранило отделение барина от мужика. Крепостное право уже в начале XIX в. породило враждебные правительству течения, которые в резкой форме выразились в восстании декабристов в 1825 г. В течение последних ста лет в стране развивались оппозиционные настроения в отношении власти, обличительные направления в литературе, революционная пропаганда, последовал целый длинный ряд террористических актов. По мнению Войновского-Кригера, все это весьма печально отражалось на внутренней политике и стало основанием охранительного курса, характерного для правлений Александра III и Николая II.

Опоздание крестьянской реформы и последовавшие революционные настроения вызвали много дефектов в государственном управлении. В частности, было очень мало «настоящих государственных людей с широким масштабом, инициативой и даром предвидения. Не было ни поприща, ни школы для выращивания таких

¹² Там же. С. 105.

людей; одна чиновничья среда и государственная служба давать их не могли». Страна нуждалась в развитой сети земских и городских органов самоуправления, в повсеместном распространении разнообразных культурных, хозяйственных, профессиональных, кооперативных обществ и союзов. «Такая самодеятельность общества, – по мнению Войновского-Кригера, – не только приобщала бы к государственной жизни все лучшие местные силы и устанавливала бы тесную связь между правительственными и общественными учреждениями, не только выделяла бы наиболее выдающихся людей для государственной работы, но давала бы удовлетворение естественному стремлению интеллигенции приобщаться к строительству России»¹³. Правительство же боялось этих общественных сил и обратилось к ним лишь в годы Первой мировой войны.

Много внимания Войновский-Кригер уделяет фактору внешнего давления и влияния на Россию. Поскольку россияне расселились на обширных пространствах Европы и Азии, заняв важные стратегические позиции между такими разными цивилизациями, как христианский Запад и преимущественно мусульманский Восток, и к тому же обладали огромными запасами полезных ископаемых, они стали объектом постоянного давления извне. «Громадная, богатая и сравнительно малонаселенная территория России, по сравнению с теснотой и почти полным использованием природных ресурсов в Западной Европе, издавна возбуждала к себе естественную зависть иностранцев», – пишет Войновский-Кригер¹⁴. С 1055 г. по 1462 г. Русь перенесла 245 нашествий. Величайшим бедствием для Отечества стало вторжение войск монгольских ханов в XIII в. Шло массовое истребление и порабощение населения, разрушение крупных городов – центров культуры. Полностью было уничтожено население Рязани, Владимира, Торжка, Козельска. Сожжены Суздаль, Москва, Ярославль, Тверь, Дмитров, Киев и другие города, 14 из которых уже никогда не появятся на карте страны. Ослаблением Руси немедленно воспользовались западные соседи. На несколько веков они перекрыли доступ к Балтийскому морю, захватили западные русские земли в Белоруссии и на Украине, которые удалось возвратить лишь во второй половине XVIII в. По нашим подсчетам, в XVI в. Русское (Московское) государство воевало с Речью Посполитой, Ливонским орденом, Швецией, Крымским ханством 43 года, в XVII в. с этими же государствами – 48 лет. Молодая Российская империя в XVIII в. провела в войнах с Турцией, Швецией, Польшей, Пруссией – 56 лет. В XIX в. Россия воевала с наполеоновской Францией и королевской Великобританией, Османской импе-

¹³ Там же. С. 107.

¹⁴ Там же. С. 109.

рией, Ираном, а также с горами Северного Кавказа 67 лет. В XX в. Россия (СССР) провела в войнах 28 лет (без учета многочисленных локальных конфликтов с участием наших военнослужащих за исключением войн в Испании и Афганистане). После Великой Отечественной войны СССР в течение 45 лет существовал в обстановке изматывающей «холодной войны».

По словам Войновского-Кригера, быстро развивавшаяся в канун Первой мировой войны экономика страны вызывала зависть, и Европа опасалась будущей конкуренции с Россией. Его оценка событий, которые привели к Первой мировой войне, во многом отличалась от наиболее распространенных среди политиков и историков тогда и в более позднее время. Да, Германия усиливала свое экономическое влияние в Европе и на Ближнем Востоке, что пугало Англию. Франция опасалась, что не сможет уже вернуть Эльзас и Лотарингию. Но Россию «это должно было, в сущности, меньше всего трогать», так как такой совершенно неизбежный рост Германии «осуществлялся не за наш счет». И договориться о свободе прохода через Дарданеллы, по словам Войновского-Кригера, легче было бы с Германией, чем «с преобладающим влиянием в Турции Англии, нашего исконного и самого серьезного врага»¹⁵. Надо было пожертвовать «славянофильством», поскольку совершенно ясно, что идея объединения всех славян неосуществима.

Войновский-Кригер неоднократно обращался к теме российской интеллигенции, в которой он видел важный фактор катастрофы 1917 г.

По его мнению, наиболее устойчивой в политическом отношении была чиновная интеллигенция, хотя ей была присуща пассивность и «оппортунизм». Удовлетворение своих гражданских потребностей она находила в служебной деятельности и редко когда выходила из сферы своих узких интересов. Близкой по своему мировоззрению и настроению чиновникам была офицерская среда. По словам Войновского-Кригера, офицеры были преданы идее государственного служения и были монархистами по своим взглядам, однако «глубина и искренность этой преданности в последние годы перед войной значительно упали». По его мнению, это была самая здоровая часть нашей интеллигенции, на «которой, в сущности, держалась русская государственность»¹⁶.

Занятие торгово-промышленной деятельностью долгое время считалось делом если не предосудительным, то во всяком случае «менее почтенным, чем государственная служба». Торгово-промышленный класс играл важную роль в экономическом развитии

¹⁵ Там же. С. 127.

¹⁶ Там же. С. 116.

в последние десятилетия, но в политической и государственной жизни эта часть интеллигенции была малозаметна. «Ее мало привлекали к государственной работе, недостаточно прислушивались к ее голосу, недооценивали значение хозяйственной деятельности страны; Правительство сравнительно мало считалось с представителями торгово-промышленной среды, недостаточно опиралось на эту наиболее производительную, наиболее крепкую и состоятельную часть населения». В ответ торгово-промышленный класс часто оказывался в оппозиции к власти, «резко и не всегда тактично боролся за свое влияние и свои интересы, легко поддавался весьма левым настроениям и в результате не только не поддерживал престиж власти, доверие к ней, но скорее подтачивал ее силу и авторитет»¹⁷. Войновский-Кригер отразил широко распространенные взгляды в предпринимательской среде. Например, инженер путей сообщения А.А. Бубликов, в дни Февральской революции в качестве комиссара Временного комитета Государственной думы арестовавший министра путей сообщения, также писал о том, что правительство постоянно ставило палки в колеса всякому, кто стремился проявить инициативу и предприимчивость. Например, власть, по словам Бубликова, «с невероятным озлоблением» смотрела на каждую новую частную железную дорогу, видя в ней конкурента, даже если эта дорога имела для государства стратегическое значение, но «имела несчастье “отвлекать” доходы от казенной сети» [Бубликов 2018, с. 6]. Далеко не случайно «большинство наших торговопромышленников приняли революцию как нечто естественное и благодетельное и не только не боролись с ней, но даже после водворения коммунистической диктатуры принимали очень мало участия в борьбе с этим явным злом»¹⁸.

Наиболее критичен в своих оценках Войновский-Кригер был по отношению к городской интеллигенции – литераторам, ученым, адвокатам, артистам, общественным деятелям, которые «никогда близко не стояли к нашей государственной машине». В этой среде развивались «гораздо более отрицательные и разрушительные тенденции, чем созидательные государственные инстинкты». Для нее были характерными критиканство, увлечение различными социалистическими теориями, возникшими на Западе. К теме взаимоотношений и взаимозависимости российской интеллигенции и западных учений Войновский-Кригер возвращался неоднократно. С эпохи великих географических открытий западноевропейские страны, подпитываясь от эксплуатации своих заморских колоний, сумели опередить в своем развитии все остальные страны мира.

¹⁷ Там же. С. 117, 118.

¹⁸ Там же. С. 118.

Их элиты со временем укрепились в мысли, что их путь развития единственно правильный, и его должны пройти все остальные народы. Свои представления о социально-экономическом и политическом устройстве они стали навязывать по всему миру. Носителями западных идей в России в первую очередь стала ее наиболее образованная часть. Войновский-Кригер справедливо подчеркнул: «В противоположность народным низам весь культурный слой России воспитывался исключительно под влиянием Запада; вся внешняя культура, вся идеология и миросозерцание русской интеллигенции были чисто западническими, особенно это относится к XVIII–XIX столетиям и к русской аристократии, многие представители которой лучше владели иностранными языками, чем русским»¹⁹. Левая часть нашей интеллигенции, по оценке Войновского-Кригера, «целиком воспитывалась на Марксе и Французской революции»²⁰. Однако западные идеи воспринимались ими верхушечно, без взаимосвязи с культурной, философской, религиозной основами, на которых формировалось мировоззрение западного общества. Яркий представитель петербургской журналистики, публицист А.С. Изгоев, один из авторов знаменитых сборников «Вехи» и «Из глубины», признал после падения монархии, что пришедшая тогда к власти в России либеральная интеллигенция «совершенно не понимала ни природы человека и силы движущих им мотивов, ни природы общества и государства и условий, необходимых для их укрепления и развития»²¹.

В свою очередь Запад часто черпал сведения о России из рассказов лиц, по разным причинам эмигрировавших из нашей страны. «Наша относительная отсталость в культурном и политическом отношениях и превратное знакомство с Россией благодаря пропаганде и заграничным изданиям русских эмигрантов, а также большей части заграничной прессы, – все это объясняет то недоброжелательное и пренебрежительное отношение, которое так часто наблюдалось у иностранцев по отношению к России», – писал Войновский-Кригер. «На Россию смотрели как на полуазиатскую страну, немногим выше Турции и Китая, в которой царствует деспотизм, мрак и эксплуатация полуголодного народа, где жестоко преследуется все нерусское, особенно евреи, которые избиваются якобы при содействии самого Правительства. Не было таких пасквилей и небывлиц, попадавших в иностранные газеты, которым бы не верили и на основании которых иностранная республика не составляла бы себе представления

¹⁹ Там же. С. 102.

²⁰ Там же. С. 110.

²¹ Из глубины: Сб. статей о русской революции. М., 1990. С. 152.

о России»²². «Это отношение иностранцев, – пишет Войновский-Кригер, – не могло не влиять на умозрение и на отношение к своей родине и нашей собственной интеллигенции, всегда преклонявшейся перед Западом и выращивавшей свои идеи по западным образцам»²³.

Пренебрежительное отношение Запада к России особенно ярко проявилось в годы Первой мировой войны. Наши союзники по Антанте Франция и Англия, не зная состояния страны, «предъявляли несуразно большие требования относительно численности армий, которые мы должны были выставять на фронте, требовали даже посылки русских войск во Францию и Англию, между тем сами очень мало и с большими опозданиями помогали нам в технических средствах и в вооружении армии», что стало одной из причин военных неудач и больших потерь среди военнослужащих. Когда же за несколько месяцев до революции положение в России стало столь серьезным, то оба официальных представителя Франции и Англии, Нулланс и Бьюкенен, по словам Войновского-Кригера, «не только не проявили своего влияния для поддержания власти и порядка, а явно симпатизировали назревавшей революции, считая по своей неадаптивности, что с наступлением пресловутой «свободы» и наши военные действия пойдут успешнее»²⁴.

По мнению Войновского-Кригера, огромную роль в революции сыграл «третий элемент», полуинтеллигентные люди, получившие лишь начальное образование и дополнившие его нелегальной литературой, а также книжками, брошюрами, газетами, которые им были доступны по цене. Это, главным образом, младшие конторщики, писари, приказчики, телеграфисты, фельдшеры, фармацевты, статистики, сельские учителя и прочие люди, которые по своему «подчиненному и необеспеченному положению, не удовлетворенные жизнью, враждебно относились ко всему, что стояло выше их»²⁵.

Войновский-Кригер считал ошибочной политику властей, не стремившихся привлечь интеллигенцию к решению вопросов государственного управления, что сделало бы ее идеологию «более практичной и здоровой» и она бы «стояла ближе к жизни и меньше предавалась бы критике, самооплеванию и увлечениям социалистическими и другими теориями, рожденными Западом»²⁶.

²² Кригер-Войновский Э.Б. Указ. соч. С. 109.

²³ Там же. С. 110.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 120.

²⁶ Там же. С. 107.

* * *

И все же определяющим фактором в свержении монархии и крахе Российской империи стала слабость центральной власти, многочисленные ошибки в области государственного управления.

«Каждому, имевшему дело с массой подчиненных ему людей на какой-либо службе или работе, хорошо известно, что успешный и покойный ход дела обеспечен лишь тогда, когда руководитель на высоте своего положения, то есть когда он знает дело и своих подчиненных, когда он тверд, требователен, но вместе с тем справедлив и заботлив о нуждах своих подчиненных, когда он, наконец, своей работой, жизнью и действиями служит хорошим примером честного и добросовестного выполнения долга», – подчеркнул Войновский-Кригер.

Пройдя всю служебную лестницу от машиниста паровоза до министра путей сообщения, он знал разных руководителей и понимал: если начальник не уверен и непоследователен в своих решениях и распоряжениях, неопытен и не знает дела – у него нет уважения, авторитета у подчиненных, он не может оказать духовного влияния на своих сотрудников; его распоряжения принимаются и выполняются чисто формально, небрежно, только для виду. Если начальник, даже при знакомстве с делом, слишком суров, несправедлив, невнимателен к нуждам подчиненных, то дело некоторое время может еще кое-как идти, но недовольство и озлобление копятся, и при всяких случайностях происходят срывы, конфликты, а иногда и прямые враждебные действия. Но никогда не приведут к хорошим результатам и слишком легкое обращение, явное стремление угождать и быть принятым – люди начинают думать, что в них очень нуждаются или их боятся, начинают небрежно относиться к делу, предъявлять все большие и большие требования²⁷.

Войновский-Кригер был убежден в том, что все это в значительной степени относится и к управлению государством. «Верховная Власть, – отмечал он, – должна быть прежде всего народной в том смысле, что она должна быть возможно ближе к населению, к народу, возможно лучше знать его действительное положение, его главные потребности, его дух, его веру и его настроения. Она должна проявлять наибольшие заботы об общем народном благосостоянии, его развитии и воспитании, материальном и моральном положении. Она должна всегда стоять на защите более слабых, бедных и угнетенных, так как сильные и богатые защитят себя сами... Все акты и действия Верховной Власти и Правительства должны иметь явную цель достижения общего наибольшего блага, а не удовлетворение потребностей и желаний лишь какого-либо одного класса

²⁷ Там же. С. 113–114.

или одной группы населения. Власть должна быть надклассовой, надпартийной и должна духовно опираться не на отдельные части населения, а на всю массу народа». Власть, по мнению Войновского-Кригера, должна быть твердой и уверенной в выполнении всеми существующих законов, правительственных распоряжений и защите прав граждан. «Все нарушения интересов, общегосударственных или частных, должны неумолимо преследоваться на деле. Все попытки каких-либо противодействий Власти, все попытки насильственных, особенно массовых действий, все нарушения внешнего порядка и вмешательства в действия правительственных органов должны резко и энергично устраняться средствами, отвечающими целям и обстоятельствам»²⁸. Власть же от всего этого в последние десятилетия была весьма далека. «Немудрено, – пишет Войновский-Кригер, – что в течение этого периода наша высшая бюрократия и население страны представляли собой два мира, в лучшие времена далекие и чуждые друг другу, а в периоды каких-либо серьезных неудач или бедствий – прямо враждебные»²⁹.

Войновский-Кригер задается вопросом: «Насколько в этом несчастье, постигшем нашу родину, виновна государственная власть?» Впервые он познакомился с работой центрального аппарата в 1906–1909 гг., когда был чиновником МПС и ему пришлось вести переписку с разными ведомствами, готовить всеподданнейшие доклады министру. Уже в те годы он несколько раз присутствовал на заседаниях правительства, давал объяснения в Государственной Думе и Государственном Совете. Он высоко ценил деятельность П.А. Столыпина, которого считал одним из наиболее выдающихся государственных людей последних десятилетий перед войной. Войновский-Кригер вспоминал: «Достаточно было наблюдать его несколько раз в заседаниях Совета Министров или слышать с кафедры Государственной думы, чтобы понять, какой это твердый ум, какая убежденность и какое ясное понимание положения России. Заседания Совета Министров проходили всегда в атмосфере самой напряженной деловитости, он особенно умело направлял прения по самым важным сторонам вопросов, он действительно руководил работой министерств, давал им и направление, и задания и представлял собой Главу Правительства, с которым всем министрам приходилось не только считаться, но и согласовывать свои главнейшие дела. Никогда никого Дума не слушала с таким напряженным вниманием, как Столыпин, каждое его выступление составляло событие в государственной жизни России. В нем резко выявлялась не только сила ума и воли, но и большая мораль-

²⁸ Там же. С. 114–115.

²⁹ Там же. С. 115.

ная сила; в нем чувствовалась и горячая любовь к родине, и полное отсутствие личных побуждений, и какая-то жизненная правда»³⁰.

К сожалению, такая работа правительства была исключением, а не правилом. «Самый выбор лиц на ответственные государственные посты, – свидетельствует Войновский-Кригер, – отношение к ним и к их деятельности Государя или Государыни, что в последнее время перед революцией было почти одно и то же, постоянная смена министров – все это в большинстве случаев носило случайный характер и было в значительной степени результатом чисто личных побуждений и симпатий, часто идущих прямо вразрез с действительными интересами государства. Как нарочно, наиболее неудачными министрами отличались Министерства внутренних дел, военное и народного просвещения, то есть те министерства, которыми Николай II еще более других интересовался и которые имели столь большое значение для внутренней жизни страны, ее военной мощи и воспитания молодежи. Если среди министров в виде исключения и попадались люди разумные и серьезно работавшие над своими задачами, то деятельность их в сильной степени парализовывалась и искажалась в той атмосфере шатания, недоверия, интриг и постоянной междуведомственной борьбы и разногласицы, которая неизменно сопровождала царствование Николая II, и, наконец, тем террором и теми массовыми убийствами высших административных лиц, которыми так было обильно это печальное царствование»³¹.

Войновскому-Кригеру пришлось послужить в разных регионах страны, можно сказать, он хорошо знал хотя бы европейскую часть России. И он с грустью констатировал, что многие российские управленцы плохо знали то, чем им довелось управлять. «Мне помнятся, – пишет Войновский-Кригер, – слова министра финансов Коковцова, сказанные им во время путешествия в 1910 г. на Кавказ: “Мне стыдно признаться, что я первый раз на Кавказе и что я его совсем не знал”. Богатство края, его города, его культура – все это было совершенно неожиданно для человека, который уже много лет был министром финансов. А сколько было у нас государственных людей, которые, кроме Петербурга, Москвы да своей губернии, ничего в России не видели, а знали ее только на бумаге и со слов других»³².

Очень невысокого мнения был Войновский-Кригер о своих коллегах по правительственному кабинету в годы Первой мировой войны: «Такое безнадежное впечатление выносилось и из каждого заседания Совета Министров. Председателем его послед-

³⁰ Там же. С. 81.

³¹ Там же. С. 113.

³² Там же. С. 101.

ние два месяца был кн. Голицын, благородный человек, но полное ничтожество в государственных делах, министром внутренних дел – уже совершенно психически ненормальный Протопопов. Военным министром – генерал Беляев, недалекий и бессильный человек, совершенно не понимавший ни существовавшего положения, ни своих задач. Уже одни эти люди, игравшие главную роль во всех делах внутренней политики, могли приводить в отчаяние; была совершенно ясной вся беспомощность и бесполезность этого высшего органа государственного управления»³³.

Войновский-Кригер считает, что Правительство не справилось с новыми и грандиозными задачами ведения мировой войны, поскольку нужно было не только успешно провести мобилизацию в действующую армию, но и мобилизовать всю страну. Это было немыслимо без содействия многочисленных общественных организаций. «Правительство действительно обратилось за содействием к разным общественным организациям – пишет Войновский-Кригер, – а в середине 1915 года при главнейших министерствах были организованы так называемые Особые совещания с участием членов Думы и Государственного совета, каковые Совещания много содействовали *правильному* и скорому разрешению более крупных вопросов. Но все такие меры были предприняты с большим опозданием и проводились как-то нерешительно, половинчато и неохотно, почему повлиять существенно на ход войны и улучшение положения в стране не могли»³⁴.

По мнению Войновского-Кригера, самой слабой частью нашего госаппарата было Министерство внутренних дел. «Мне немало приходилось иметь дело и наблюдать губернаторов, начальников областей, градоначальников, начальников жандармских управлений и прочих старших чинов этого ведомства в тех районах России, где не было земства. При громадном разнообразии типов и личностей, начиная от людей высокопочтенных и талантливых до совершенно негодных, я должен сказать, что в большинстве случаев это были люди недурные, честные, преисполненные желанием возможно лучше выполнить свое назначение. Но, во-первых, очень редко среди них встречались достаточно опытные и подготовленные в своей роли; каждый генерал, принужденный почему-либо оставить военную службу, каждый предводитель дворянства, каждый усердный чиновник центрального органа Министерства – считались пригодными для обязанностей губернатора или градоначальника в любом пункте государства. Во-вторых, общие условия деятельности этих высших носителей власти на местах были

³³ Там же. С. 89.

³⁴ Там же. С. 86.

настолько неблагоприятны и тяжелы, возлагаемые на них задачи настолько обширны и сложны, что я не знаю ни одного примера, где указанные администраторы вполне успешно справлялись бы со своими обязанностями», – утверждает Войновский-Кригер³⁵.

По его словам, «до самой революции наше Правительство считало, что губернаторы и градоначальники должны “управлять” жизнью, направлять ее во всех отношениях, “командовать” населением, которое, с одной стороны, считалось беспомощным, требующим постоянной опеки, с другой – никаким доверием не пользовалось, считалось малоблагонадежным в политическом отношении и в массе враждебным Правительству»; «губернаторы имели юридически громадную власть, но вместе с тем лучшие из них чувствовали себя совершенно бессильными, так как, кроме нескольких чиновников и полиции, у них тесных связей с населением не было, оно относилось к губернаторам так же недоверчиво и подозрительно, как к нему относилось Правительство».

По мнению Войновского-Кригера, «на должности губернаторов и градоначальников очень часто попадали люди, совершенно незнакомые и чужие тем губерниям и городам, которыми им приходилось управлять, <...> станет понятным, что деятельность этих представителей власти проявлялась главным образом в функциях полицейских, в заботах о внешнем порядке и благополучии и очень мало влияла на внутренние стороны жизни населения. Если жизнь эта в городах составляла еще опеку городских управлений, то в селах и деревнях, там, где не было земства, она была предоставлена, в сущности, самой себе и если регулировалась властями, то опять только в чисто полицейском отношении. Понятно поэтому, что большинство сельского населения стояло у нас как-то особняком, местные власти и деревня были взаимно совершенно чужды, часто почти враждебны»³⁶.

Он обратил внимание на то, что в стране слишком поздно были созданы министерства земледелия, торговли и промышленности: «Трудно понять, почему в таком обширном государстве, как Россия, с такими разнообразными природными богатствами, интересы сельского хозяйства и промышленности так долго оставались на втором плане и только в XX столетии обратили на себя серьезное внимание. Особенно это непонятно в отношении Министерства земледелия; ведь издавна все наше благополучие, наша государственная мощь, даже наше международное положение зиждились на нашем сельском хозяйстве»³⁷.

³⁵ Там же. С. 74.

³⁶ Там же. С. 75.

³⁷ Там же. С. 76–77.

Положительно оценивал Войновский-Кригер работу судебных учреждений: «Бывая неоднократно в окружных судах то в роли присяжного заседателя, то эксперта, то свидетеля, соприкасаясь немало с прокуратурой и следственными властями по разным делам и происшествиям на железных дорогах, я не мог не преисполниться глубоким преклонением к нашим судам и уважением к нашим судебным деятелям. Единственный упрек, который можно было бы сделать нашей юстиции, – это некоторая чрезмерность судебной волокиты и некоторый излишек формализма, иногда в ущерб делу. Правда, независимость наших судов и несменяемость судей, эти основы правосудия, были значительно умалены в бытность министра Щегловитова, в назначениях судебных деятелей, особенно высших, при нем явно выражалась определенная политическая тенденция, но даже и в этот период, по сравнению с тем, что представляют собой суды во многих других странах, нельзя не сказать, что наши суды были образцом беспристрастия, чистоты и неподкупности»³⁸.

На второе место по своей организации, деятельности и личному составу Войновский-Кригер ставил местные учреждения Министерства финансов. «Отделения Государственного банка, Казенные палаты, казначейства, таможи, учреждения по казенной продаже напитков, Акцизный надзор – все эти учреждения, – пишет Войновский-Кригер, – насколько, по крайней мере, мне приходилось с ними знакомиться в пределах Юго-Западного края и Северного Кавказа, вполне хорошо выполняли свои задачи и никаких жалоб и неудовольствий в обывательской среде не вызывали». Познакомившись с таможней во Франции, он отметил, что «в них куда больше беспорядка, формалистики, взяточничества и какого-то крайнего пренебрежения к интересам населения, чем это было у нас в России»³⁹. Также высокого мнения он был о почтово-телеграфных учреждениях: «Их распространение до самых малых местечек, часто сел и деревень, аккуратность в доставке посылок, переводов, писем, газет – об этом тоже невозможно не вспомнить, особенно пребывая во Франции, Италии, Сербии, где на расстоянии 300–400 километров письма путешествуют 3–4 дня и зачастую просто пропадают»⁴⁰.

Естественно, значительное место в воспоминаниях уделено ведомству путей сообщения. Войновский-Кригер пишет о хорошей подготовке специалистов для железнодорожного транспорта в двух ведущих технических вузах страны: петербургских институтах – технологическом и инженеров путей сообщения. Пятилетняя учебная программа этих вузов предусматривала серьезную научную работу,

³⁸ Там же. С. 71.

³⁹ Там же. С. 72.

⁴⁰ Там же.

массу практических занятий, обязательную летнюю практику. Да и сам характер и особенности железнодорожной службы, вспоминал Войновский-Кригер, – «представляли очень благоприятные условия для выработки дельных, энергичных и смелых работников, хорошо знающих и жизнь, и людей, умеющих выходить из самых трудных положений и умеющих правильно оценивать всякий труд и работу». Это позволило уже с конца XIX в. занять все ответственные должности в Министерстве путей сообщения и в управлениях железных дорог «почти исключительно русскими инженерами».

Вновь и вновь он подчеркивает важность для управленца знания России. «Благодаря частым переходам с одной дороги на другую, особенно на изысканиях и постройках, – отмечает Войновский-Кригер, – постоянным командировкам в различные центры, участиям в различных совещаниях и съездах, назначавшихся в разных районах России, наконец, благодаря праву бесплатного проезда для себя и семьи по железным дорогам редко можно было встретить немолодого инженера, который не изъездил бы Россию вдоль и поперек и не знал бы ее во всем разнообразии природы, населения и культуры»⁴¹.

Для огромной Российской империи, да еще страны с северным климатом, широкое развитие железнодорожной сети было главным условием ее успешного социально-экономического развития [Сенин 2009, с. 67]. Между тем, пишет Войновский-Кригер, сооружение железных дорог «шло у нас далеко не планомерно, как-то скачками и под давлением главным образом стратегических потребностей». Но и в этом мы не преуспели. К началу войны, по его оценке, нам явно не хватало 20–25 тысяч км новых железных дорог. Военные действия сразу выявили недостатки в конфигурации нашей пограничной сети и ее слабое оборудование. Но перестроить существующие дороги или выстроить ряд новых стратегических линий, параллельных фронту, по словам Войновского-Кригера, в короткое время было совершенно невозможно. Эта работа должна была проводиться заблаговременно «как необходимая мера по защите нашей столь длинной западной границы». Планирование на много лет вперед должно быть целью работы правительства, Военного министерства и других заинтересованных ведомств.

Интересна общая оценка состояния железнодорожной сети и железнодорожного хозяйства России, данная последним царским министром путей сообщения: «Сравнительно с дорогами Германии, Англии, Соединенных Штатов наши дороги много слабее по оборудованию, развитию узлов, станционных зданий, скорости движения,

⁴¹ Там же. С. 57.

механизации сигналов и труда и пр. Но по сравнению с дорогами, например, Франции, Италии, Австрии мы отставали, так сказать, только количественно, по числу вторых путей, путевому развитию, числу обращения поездов; в отношении же оборудования, типов подвижного состава, приемов эксплуатации, устройства мастерских наши дороги были не хуже указанных стран. А что касается удобств пассажирского сообщения, дешевизны тарифов, дешевизны постройки и эксплуатации и общей доходности – наши железные дороги были выше большинства стран Западной Европы»⁴².

Весьма любопытна оценка Войновским-Кригером изменений, происшедших на железнодорожном транспорте в годы революций 1917 г. и Гражданской войны 1917–1922 гг. «Через два-три года всяких коммунистических экспериментов на железных дорогах, приведших к большому их разрушению и беспорядку, советская власть не только целиком вернулась ко всем прежним методам и общему административному строю в управлении железными дорогами, но вновь почти на все ответственные посты поставила прежних администраторов и инженеров»⁴³.

Страна запоздала с введением органов народного представительства. Войновский-Кригер считал, что Николай II должен был сделать это немедленно по вступлении на престол. Это вполне было возможно после успокоения, которое наступило в царствование Александра III, «и вполне соответствовало бы слабой и безвольной натуре Николая II... и вполне отвечало бы общим желаниям и настроениям всей мыслящей России. Подобный акт сразу разрядил бы атмосферу, дал бы отдушину для давления, под которым находилось русское общество, и на все царствование упрочил бы престиж и положение Государя. Настроение и поведение народного представительства, добровольно дарованного народу, были бы совсем иными, чем настроение Первой Государственной думы после силой вызванной реформы 1905 года»⁴⁴.

По мнению Войновского-Кригера, «общему ходу нашей государственной машины очень вредили в этот период (да и позже) те ненормальные отношения, которые установились между Правительством и Государственной думой. Это были два явно враждебных лагеря, старания которых обойти, умалить значение противника, выставить его в неблагоприятном свете доходили до таких действий и приемов борьбы, которые имели единственным своим последствием падение и Престола, и Правительства, и Думы»⁴⁵.

⁴² Там же. С. 50.

⁴³ Там же. С. 51.

⁴⁴ Там же. С. 107–108.

⁴⁵ Там же. С. 81.

При ином стечении обстоятельств к началу Первой мировой войны народное представительство могло окончательно окрепнуть, в нем появились бы люди «с правильными государственными инстинктами и навыками; многолетняя совместная работа правительства с Государственной думой сгладила бы многие углы и устранила бы взаимное недоверие; были бы и другие министры, и ко времени войны мы, вероятно, оказались бы к ней гораздо лучше подготовленными не только в чисто военном отношении, но и в смысле нашего внутреннего положения»⁴⁶.

Особенно ошибочным, по мнению Войновского-Кригера, было отношение к Думе Николая II и Совета Министров в последние месяцы перед Февральской революцией: «Думу то открывали, то закрывали, стараясь, как нарочно, восстановить ее против себя. Наряду с этим в открытых заседаниях Думы допускались такие прения по внутренней и внешней политике и по положению на фронте, которые не имели места ни в одной стране и которые расходились в отчетах по всей России, конечно, только возбуждая против Правительства недовольство и раздражение». «Государственная дума, являвшаяся и юридически, и, по существу, голосом страны и близко знакомая с бессилием и неспособностью Правительства, не могла не указывать на болезни нашего государственного управления, не могла не критиковать тех никчемных людей, которые столь часто по какому-то печальному недоразумению попадали на министерские посты», – так характеризовал деятельность российского парламента в военное время Войновский-Кригер⁴⁷. В то же время он считал, что нельзя обвинять Думу в преднамеренном желании устроить государственный переворот. В дни революции масса людей Думу слушались, и она была способна успокоить население Петрограда и предотвратить взрыв. Не стоило бы торопить Николая II с отречением. Лучше было провести с ним переговоры и искать выход из создавшегося положения. «К несчастью, в ней не нашлось для этого достаточно энергичных и сильных людей, и она поддалась общему течению и влиянию той революционной атмосферы, которая разразилась всеобщим бунтом в несчастные февральские дни 17-го года»⁴⁸.

Первоисточник и основную причину крупнейших ошибок в области государственного управления Войновский-Кригер видел в Николае II: «Ни по своей натуре, ни по характеру, ни по наклонностям, ни даже по внешней манере он совершенно не подходил к той диктаторской роли, которую должен был играть

⁴⁶ Там же. С. 108.

⁴⁷ Там же. С. 86, 123–124.

⁴⁸ Там же. С. 125.

Русский Монарх во время войны. Слабовольный и нерешительный, вместе с тем недоверчивый и подозрительный, не знавший, по существу, России и своего народа, он тем не менее считал своим долгом всячески оберегать неограниченность своей власти, не допуская даже сильных людей на министерские посты и часто совершенно не считаясь с мнением Главы Правительства и всего Совета Министров»⁴⁹.

«Российское государство вплоть до XX столетия держалось несомненно издавна установившимся престижем Царской Власти. Этот престиж в глазах массы народа, армии и большей части русской интеллигенции был высоко поднят Императором Александром II и поддержан Императором Александром III», – подчеркнул Войновский-Кригер. И если бы на престоле в годы войны оставался человек «типа Александра II или Александра III, то, по мнению Войновского-Кригера, «не было бы целого ряда тех крупнейших ошибок и промахов и в самом ведении войны, и в деле государственного управления, какие имели место благодаря Николаю II и его семейной обстановке»⁵⁰.

Почти все очевидцы событий Первой мировой войны и падения монархии в 1917 г. связывали кризис власти с руководителями страны, считая их не соответствовавшими тем задачам, которые стояли тогда перед Россией. Современник Войновского-Кригера, инженер путей сообщения А.А. Бубликов так характеризовал прежних властителей страны: «Они умели олицетворять собой Россию, были подлинными ее вождями, инстинктивно улавливали ее национальные задачи, понимали ее грандиозный масштаб, находили в трагические моменты ее истории слова, которые шли к ее сердцу, поднимали ее дух. Александр I сказал: «Скорее отпущу бороду и уйду в Сибирь, а позорного мира не подпишу», и вся Россия стеной стала за ним. Александр II двумя-тремя словами сумел заставить страну без тени потрясения принять одну из величайших реформ, какие знает история, – освобождение крестьян с землей. Национальной задачи достижения естественных границ, поставленной Петром Великим, хватило на два столетия. Даже Александр III со своей грузной фигурой умел еще представлять собой Россию...

Про Екатерину II, когда она громила врагов на всех пределах государства и удивляла мир либеральностью своих идей, так и думали: «ни одна страна не имеет такой государыни». И тысячи людей с радостью положили бы за нее голову. А кто умер за Николая II?» [Бубликов 2018, с. 101–102].

⁴⁹ Там же. С. 87.

⁵⁰ Там же. С. 129.

На Руси верховным правителям прощали все, кроме слабости, ведь в народном сознании закрепилась мысль, что государство процветало лишь при деспотичных лидерах. Именно во время их правления, за редким исключением, совершались прорывы в развитии экономики, достигались вершины внешнеполитического влияния. При слабых правителях государства разрушались, чему примеры правления страной Николая II и М.С. Горбачева.

«Император Николай II, не получивший серьезного образования и воспитания (одно из немногих обстоятельств, которое должно быть поставлено в вину Императору Александру III) и вступивший сравнительно молодым (26 лет) на престол, считал главной своей задачей сохранить то наследие – неограниченную власть, – которое он получил от отца, а следовательно, и продолжать в главных чертах политику Александра III, советуясь преимущественно с теми из окружающих людей, которые пользовались доверием его отца, – пишет Войновский-Кригер. – Не обладая, однако, ни прямою и твердостью характера Александра III, ни знанием жизни, ни умением выбирать людей и ими руководить, Николай II не мог не понять в первые же годы своего царствования, – подчеркнул Войновский-Кригер, – что роль Самодержца ему не по плечу. Это стало ясно и для других; очень скоро в личности Государя многие разочаровались, и, в сущности, уже через 2–3 года его царствования у него не было искренне преданных людей, на которых он мог бы опираться». Из-за этого у него развилась «замкнутость, конфузливость, недоверие к окружающим и министрам, шатание во взглядах и решениях, неуверенность в себе, неискренность к другим, нелюбовь и недоверие к общественным деятелям и вообще к интеллигенции, и та пассивность и какое-то непонятное равнодушие к наиболее серьезным и большим вопросам внутренней жизни, которые производили особенно тяжелое впечатление и показывали, что Государь просто отстраняет от себя эти вопросы и тяготится своей миссией, которую выполняет лишь по необходимости и как-то по инерции»⁵¹.

По свидетельству Войновского-Кригера, «престиж Царя был прежде всего потерян среди Царствующего Дома, в кругу Великих Князей, а затем и среди высшей бюрократии. Она оказалась оторванной и от Верховной Власти, в которой не находила ни поддержки, ни доверия, ни импульса к работе, и от населения; в интеллигенции она встречала непрерывную и часто весьма понятную критику и оппозицию, а в массах народа большей частью явную вражду, питавшуюся как искусственной пропагандой, так и общим настроением неудовлетворенности и недовольства, обращавшихся прежде всего на Правительство, так как министры и чиновники

⁵¹ Там же. С. 111.

считались издавна главными виновниками всех невзгод и несчастий, которые переживались страной»⁵².

С середины 1915 г. Николай II лишь на короткое время приезжал в Царское Село, большей частью проживая в Ставке верховного главнокомандующего в Могилеве. По словам Войновского-Кригера, «он так много времени и внимания отдавал фронту и военным операциям, что общими государственными делами интересовался и занимался все меньше и меньше; доклады приезжавших в Могилев министров принимал коротко, со всем, что ему докладывалось, легко соглашался, часто совершенно не вникая в вопросы, и если к какому-либо делу выражал особый интерес и проявлял твердую волю, то в этом всегда ясно было влияние Императрицы»⁵³.

Войновский-Кригер неоднократно был с докладами у императора и уже осенью 1916 г. видел перед собой уставшего, подавленного тяжестью задач управления армией и государством человека. В январе же 1917 г. «это уже был человек совсем подломленный, равнодушный ко всему, не верящий ни в какие удачи и предоставивший все воле Бога. Я был прямо поражен происшедшей в нем переменой, его пассивностью и полным упадком духа и каждый раз уходил от Государя с тяжелым чувством и безнадежными мыслями о том, в каких обессиленных руках находится судьба России»⁵⁴. Он писал, что император и его правительство «как будто нарочно делали все для того, чтобы окончательно себя уронить и создать такое безысходное положение и такое общественное настроение, при котором единственным выходом казался государственный переворот»⁵⁵.

Февральская революция, совершенная оппозиционно настроенной либеральной элитой, воспользовавшейся трудностями военного времени, обрушила не только монархический строй, но всю государственную машину. «Очень скоро выяснилось, — пишет Войновский-Кригер, — что новые властители России были умны, храбры и энергичны лишь в критике и в словопрениях в Думе; для выполнения же реальных жизненных задач и для управления страной они оказались до такой степени слабыми, далекими от жизни и столь не понимавшими положения России, что своими действиями и распоряжениями только углубляли революцию, усиливали анархию и направляли жизнь страны не к успокоению и порядку, а к усилению хаоса»⁵⁶.

⁵² Там же. С. 113.

⁵³ Там же. С. 88.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 129.

⁵⁶ Там же. С. 98.

Фактически весь 1917 год стал периодом непрерывного кризиса власти и управления. Стремительное крушение самодержавия, демагогия политиков всех оттенков и психологически объяснимое желание широких масс увидеть результаты революции уже при своей жизни привели к небывалой по глубине радикализации всего общества. По всем вопросам, волновавшим широкие массы населения, Временное правительство заняло позицию «непредрежденчества», согласно которой основные экономические и политические вопросы должно было решить Учредительное собрание, созыв которого под разными предлогами постоянно откладывался. Устав ждать, рабочие и крестьяне, наиболее радикальная часть интеллигенции, вдохновляемые идеями анархо-синдикализма профсоюзы приступили явочным порядком к практическому осуществлению своих требований [Государственность в России 2019, с. 273–280]. Общенациональный кризис лета-осени 1917 г. наглядно показал слабость гражданского общества, не способного удержать Россию от сползания к Гражданской войне. «Как это ни печально, но нельзя не признать, – констатировал Войновский-Кригер, – что не только во время войны, но и после революции ни в правительственных кругах, ни среди русской общественности, ни в военном мире, вообще в России – не оказалось выдающихся государственных людей, которые могли бы направить Россию по правильному пути и избавить ее от катастрофы»⁵⁷.

Войновский-Кригер признавал, что его оценки могут показаться обывательскими, но это мнение человека, прошедшего тридцатилетнюю государственную службу и привыкшего на ней «к наблюдениям, сравнениям и выводам, более или менее объективным и беспристрастным»⁵⁸.

Литература

- Бубликов 2018 – Бубликов А.А. Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы): Впечатления и мысли очевидца и участника. М.: ГПИБ, 2018. 160 с.
- Государственность в России 2019 – Государственность в России в 1917 г.: власть, общество, территория / Отв. ред. Т.Г. Архипова, В.В. Шелохаев. М.: РГГУ, 2019. 323 с.
- Карпенко 2014 – Карпенко С.В. Расстройство железнодорожного транспорта и топливный кризис во врангелевской Таврии: причины и взаимовоз-

⁵⁷ Там же. С. 99.

⁵⁸ Там же. С. 71.

действие (апрель – ноябрь 1920 г.) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2014. № 19 (141). С. 41–52.
 Сенин 2009 – Сенин А.С. Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.). М.: ГОУ «Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте», 2009. 320 с.

References

- Arkhipova, T.G. and Shelokhaev, V.V. (ed.), (2019), *Gosudarstvennost' v Rossii v 1917 g.: vlast', obshchestvo, territoriya* [Statehood in Russia in 1917. Power, Society, Territory], RGGU, Moscow, Russia.
- Bublikov, A.A. (2018), *Russkaya revolyutsiya (ee nachalo, arest tsarya, perspektivy). Vпечатleniya i mysli ochevidtsa i uchastnika* [The Russian Revolution (its origin, the Tsar's arrest, perspectives). Impressions and thoughts of an eyewitness and participant], GPIB, Moscow, Russia.
- Karpenko, S.V. (2014), "Railway transport disorganization and fuel crisis in Vrangeli Tavria: reasons and their mutual impact effects (April – November 1920)", *RSUH/RGGU bulletin. "History. Philology. Cultural studies. Oriental studies" Series*, vol. 141, no. 19, pp. 41–52.
- Senin, A.S., (2009), *Zheleznodorozhnyi transport Rossii v epokhu voyn i revolyutsii (1914–1922 gg.)* [The rail transport of Russia in the era of wars and revolutions (1914–1922)], GOU "Training and methodology center on rail transport education", Moscow, Russia.

Информация об авторе

Александр С. Сенин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; as_senin@mail.ru
 ORCID ID: 0000-0001-6258-7482

Information about the author

Alexandr S. Senin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; as_senin@mail.ru
 ORCID ID: 0000-0001-6258-7482